К.Я. КОЖУРИН

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ ДУХОВНЫЕ ЦЕНТРЫ ЮГА ПСКОВЩИНЫ

Невельский уезд

Древняя земля Великого Новгорода и Пскова с самого начала церковного раскола в Русской Церкви стала одним из главнейших оплотов древлего благочестия. В федосеевском сочинении «О степени отеческой, Московских, Псковских, Поморских и Вятских стран от последних благочестивых священнопастырей и их преемников, страдавших за древнее благочестие, иноков и простых, правящих духовными делами, коих учению и мы всеусердно последуем» перечисляются многие страдальцы за древлее благочестие, просиявшие в псковско-новгородских землях. Это, в первую очередь, епископ Павел Коломенский и игумен Тихвинского Беседного монастыря Досифей, священноинок и пустынножитель Пафнутий, священноинок и страдалец Феодосий, священноинок и страдалец из Крестецкого Яма Илия, протопоп Псковского Троицкого собора Варлаам, «страдалец и первый от простых учитель тоя страны», великолуцкий купец Иоанн Дементьев (в старообрядческом крещении Карп), сострадалец протопопа Варлаама Василий Лисицын и ученик Варлаама Пётр Иванов... Наконец, завершает этот список именитых отцов XVII в. имя «чудного учителя» Феодосия Васильевича, «ревнителя и подражателя во всем первым отцем и страдальцем». Именно его учение получило в псковско-новгородских пределах наибольшее распространение.

Знаменитое Невельское общежительство, или Русановская обитель (1), которую Феодосий основал в 1699 г. на землях юга Псковщины, входивших тогда в состав Речи Посполитой, сыграла для староверов северо-запада России не меньшую роль, чем

Кожурин Кирилл Яковлевич – к. филос. н., Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, С.-Петербург

Выговское общежительство в Поморье. После 9 лет жизни в Невельском общежительстве Феодосий Васильевич и его последователи вновь вернулись в Россию и поселились в Вязовской волости Великолуцкого уезда (1708). Однако первые упоминания о появлении старообрядцев на территории Вязовской дворцовой волости (Чурилово, Бессоново) относятся ещё к 1681 г. (2). В 1707 г. земли эти были пожалованы Петром I своему любимцу князю Александру Даниловичу Меньшикову, а уже на следующий год основатель федосеевского беспоповского согласия Феодосий Васильевич, лично знакомый со «светлейшим князем», получил разрешение переселиться со всей братией на его новые земли. Через торопецкого и великолуцкого коменданта Антония Алексеева А.Д. Меньшиков дал лист на имя Феодосия Васильева и его помощника дворянина Захария Бедринского (3), по которому староверам была обещана «в вере их вольность» и разрешено молиться по старопечатным книгам. С помощью столь могущественного покровителя федосеевцы получили не только возможность открыто исповедовать старую веру, но и защиту от мирских и духовных властей.

В 1708 г. в Вязовской волости были устроены 2 общежительные обители – мужская и женская – по образцу прежде бывших невельских. Число насельников, которое в Невельском общежительстве достигло почти полутора тысяч человек, с каждым годом умножалось, и возникали серьёзные проблемы с обеспечением такого количества насельников продовольствием. Согласно некоторым сведениям, именно здесь Феодосий встречался с царевичем Алексеем Петровичем, тайно сочувствовавшим старой вере и приезжавшим послушать службу по старому чину. Однако в этих местах федосеевцам пришлось прожить недолго. Из-за неурожаев и эпидемии моровой язвы, истребившей значительное число насельников в 1710 г., наступило «великое оскудение и нужда», и Феодосий был вынужден искать более удобного места.

В том же году благодаря ходатайству сподвижника Феодосия дворянина Негановского федосеевцы получили во владение от князя Меньшикова Ряпину мызу под Юрьевом Ливонским (ныне Тарту, Эстония). Однако на новое место они переселились уже после мученической смерти Феодосия Васильева в Новгороде в 1711 г. На Ряпиной мызе федосеевцы прожили до 1719 г., когда

по доносу их бывшего наставника Константина Фёдорова, присоединившегося к господствующей церкви и впоследствии получившего сан священника, к ним была послана военная команда, разорившая новые обители. Руководитель Ряпинской обители, сын Феодосия Васильева Евстрат Васильев (до 1689–1768) снова переселился в Речь Посполитую, где продолжил проповедь староверия. Часть его сподвижников последовала за ним, а часть ушла в Стародубье и иные места, благодаря чему федосеевское учение распространилось не только по всей России, но и далеко за её пределами. «В 1720–1760-х федосеевские общины в северо-восточной части Речи Посполитой – в Ступилишках (Лифляндия), Балтруках (Курляндия), в Давыдово (позже Себежский уезд Витебской губ.), в Гудишках и др. – сделались одними из видных руководящих центров раннего федосеевства за границей. Между этими зарубежными и федосеевскими (также поморскими) общинами в России поддерживалась связь, происходила оживлённая переписка и иногда проводились собеседования» (4).

Вместе с тем, значительная часть федосеевцев вернулась на место своей прежней обители – в Вязовскую волость и соседние с ней Невельский и Себежский поветы (уезды), до 1772 г. входившие в состав Речи Посполитой. Одним из самых крупных духовных центров старообрядцев на юге Псковщины на протяжении XIX–первой половины XX вв. была д. Большой Пружинец, входившая в состав Рыкшинской волости Невельского уезда Витебской губ., и соседняя с ней д. Петраши (сейчас обе — в составе Пустошкинского р-на Псковской обл.). В Пружинце находилась знаменитая моленная, которая привлекала староверов со всей округи. Первое упоминание о Пружинской моленной («часовне»), которое на сегодняшний момент удалось обнаружить, – 1826 г. (5), однако по ряду косвенных данных, она существовала ещё в XVIII в.

Историк старообрядчества в Витебской губ. единоверческий священник Василий Волков (Волкович) опубликовал в 1867 г. любопытные документы, переданные ему «стариком раскольником филипповского согласия, живущим в Невельском уезде на рубеже Витебской и Псковской губерний». Документы представляли собою 6 контрактов. «Это бумажные ветошки, на которых за сто лет тому назад записаны имена домохозяев, выходцев из Великороссии раскольников и некоторые условия на поселение

их в Невельском уезде в имениях Радзивиллов. Писаны эти контракты по-польски, однообразно слово в слово, с занесением только других деревень и домохозяев. Самый точный перевод сих контрактов на русскую речь гласит следующее: ,,1769 года ноября 8 дня. Я нижеподписавшийся выдаю сие мое условие или контракт, на основании данной мне доверенности графинею Констанциею Радзивилловою вовеводшею Минскою и поверенным комиссаром Францем Вышинским от Его Сиятельства князя Иеронима-Флориана Радзивилла, хорунжего великого княжества Литовского, выходцам из России (имена) в том, что им дозволяется поселиться на земле Невельского уезда, Фарантовского войтовства в деревнях названных и занять земли сколько им нужно; за пользование этою землею имеют или платить аренду, положенную в инвентаре 8 октября 1750 г.; а если же не пожелают проживать на той земле, то по уплате арендных денег, могут проживать где пожелают. Поверенный и эконом Довкинд". В шести такого содержания контрактах поименованы следующие домохозяева: Филипп Григорьев, Федот Меркуров, Иван Меркуров, Григорий Онуфриев, Емельян Ларионов, Денис Сергеев, Емельян Данилов, Стефан Сергеев, Юрий Гаврилов, Марк Григорьев, Евдоким Никифоров, Василий Севастеев, Лев Григорьев, Василий Григорьев, Евстафий Григорьев, Алексей Григорьев, Киприан Симонов, Роман Федоров, Моисей Федоров, Косьма Фоков, Константин Фоков, Ларион Алексеев, Михаил Моисеев, Стефан Лукьянов, Герасим Игнатьев, Максим Титов и Карп Агафонов с родственниками их» (6). По мнению В. Волкова, всё это были староверы-филипповцы, которые могли оказаться на территории Речи Посполитой после предпринятой ими в 1765 г. попытки захвата Зеленецкого монастыря в Новгородской епархии и последовавшей за этим гарью, однако каких-либо подтверждающих это мнение фактов у нас нет. В дальнейшем мы видим, что уже дети, внуки и всё потомство упомянутых выше вольных поселенцев вплоть до 19 февраля 1861 г. были крепостными князя Витгенштейна, Кардо-Сысоева, Соколовских, Мелина и других помещиков.

Земли Невельского и Себежского уездов по Первому разделу Речи Посполитой (1772) были присоединены к России. После присоединения земель Невельского уезда к Российской Импе-

рии жизнь местных староверов изменилась, и они разделили участь миллионов других русских старообрядцев. Теперь уже их жизнь напрямую зависела от того или иного курса правительства по отношению к старообрядчеству.

В 1823 г. в Невельском уезде, по официальным данным, значилось 540 старообрядческих семейств. Из них беспоповцев – 1548 душ мужского пола и 1848 женского, поповцев – 124 души мужского пола и 141 женского (7). В 1826 г. «беспоповщины молящейся за царя и приемлющих брак» значится 163 души мужского пола и 172 женского – разных сословий, и 1185 душ мужского пола и 1368 женского – помещичьих крестьян; «старообрядцев приемлющих священство» – 122 души мужского пола и 136 женского (помещичьих крестьян) (8).

В «Ведомости о расколах разных сословий и сект, находящихся в Невельском уезде за 1841 г.» перечисляются 3 старообрядческих согласия, существовавших на территории уезда: «1-я секта безпоповщина мужиковщина молящаяся за царя и приемлющая браки» (1001 душа мужского пола и 1049 – женского), «2-я секта поповщина молящаяся за царя и приемлющая браки» (194 м.п. и 185 ж.п.) и «3-я секта беспоповщина молящаяся за царя отвергающая браки» (516 м.п. и 488 ж.п.). Всего по Невельскому уезду числится 3433 старообрядца различных согласий (9).

Староверы Большого Пружинца и всей Рыкшинской волости принадлежали к федосеевскому безбрачному согласию. В ведомости о старообрядцах за 1840 г. говорится: «Раскольники Ровнаго (имеется в виду имение Ровное и относившиеся к нему окрестные деревни. – *К.К.*) собственной молельни и своего наставника не имеют, а ходят в молельную, находящуюся в д. Пружинцах помещика Кардо-Сысоева, где особым уважением пользуется наставник, живущий в той деревне крестьянин того же помещика Спиридон Макаров» (10). Интересна личность первого известного нам по имени пружинского наставника Спиридона Макаровича (ок. 1757–между 1859 и 1863). Вот какие сведения о нём содержатся в показаниях, записанных с его слов в 1857 г. по поводу «Дела о совращении в раскол крестьянки Невельского уезда помещика Ханыкова Натальи Трофимовой и о именующем себя раскольническом наставнике Иване Григорьеве»: «Около 100 лет. Крестьянин помещика Сысоева. Холост, грамотен, под су-

дом не состоял. Живу в д. Большом Пружинце в собственной избе. Занимаюсь хлебопашеством. Раскольник безпоповщинского толка. У исповеди бываю ежегодно у наставника Захария Леонова Сморыгина, живущего в Себежском уезде в д. Обители. Наставником служу братии своего согласия лет 20; наставником поставлен полоцким мещанином Иваном Архиповым (ныне уже умершим). Книг не имею кроме Часовника и Каноника, ибо все книги отобраны бывшим исправником Бобитенским. Прихожан имею около трех сот душ; они живут в деревнях показанных моим помощником Федором Федоровым (Большой и Малый Пружинец, Теплухино, Мельница, Петраши, Иванищево, Ровно, Мануково, Ужакино, Жуково, Хлупикино и Ерово. – *К.К.*). На Богомоление собираются люди нашего согласия ко мне в дом... На принятие Единоверия я прежде сего был увещеваем, но пред смертиею изменять вере отцов своих не желаю» (11).

Влияние местных духовных наставников распространялось не только на Невельский уезд, но и на соседние Опочецкий и Великолуцкий уезды Псковской губ., как явствует из некоторых документов. Так, по доносу попа из д. Заволочье Опочецкого уезда Михаила Красноумова было возбуждено целое дело. 20 мая 1852 г. витебский генерал-губернатор доносил, что в приход Заволочья «выезжают раскольнические наставники: Невельского уезда, д. Пружинца крестьяне Спиридон Макарьев и Федор Федоров и Себежского уезда из какой-то их обители или могильщины (в д. Обитель Могилянской волости находилась известная старообрядческая моленная. – *К.К.*), которые исправляют у раскольников все требы и этим самым явный подают повод к усилению ереси» (12). 17 июня того же года витебский гражданский губернатор сообщает витебскому военному губернатору: «Управляющий Псковскою епархиею Платон архиепископ Рижский, 13 июня №2881 уведомляя меня, что Великолуцкаго уезда погоста Вяза, священник Иосиф Златинский донес Его Высокопреосвященству, что будто бы многие из Вязовских крестьян-раскольников ездят в моленныя существующия в д. Пружинцах, Витебской Губ. Невельскаго Уезда, просит моего распоряжения, чтоб раскольники Псковской Губ. не были пропускаемы и принимаемы в помянутыя моленныя. Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не оставить сделать распоряжение,

согласно с означенным требованием Преосвященного Платона» (13).

27 июня 1852 г. витебский военный губернатор отдал соответствующее распоряжение невельскому земскому исправнику, который незамедлительно учредил за старообрядческими наставниками «строжайший секретный надзор чрез полицейских служителей из деревень, населенных православными крестьянами». Но этого было мало. В воскресенье, 6 июля, исправник решил застать староверов врасплох: «Я в три часа пополуночи (в которое время совершается у них обряд заутрени) прибыл в д. Пружинец и имел секретное наблюдение с бывшими со мною для надзора 4-мя человеками 2-х из конно-объездной стражи и двух крестьян Помещицы Бобятинской, но службы и никаких отправлений в существующей там моленной не застал и моленную сию нашел запертою на замок».

Взломав дверь в моленную, исправник обнаружил там следующую картину: «Внутри оказалось несколько Икон с повешенными перед ними лампами и одною большою посредине Моленной, по правую сторону на сделанном в виде налоя, лежало две больших книги и по той же стороны стоял сундук, незапертый в коем помещались остатки сгоревших свечей и несколько книг печатных просмотренных Цензурою и как сия моленная совершенно ветха, в особенности с наружнаго вида нижние венцы стен совсем сгнили, крыша из соломы, с левой стороны видимо починенная и вместо сеней поставлены в землю старые бревны угрожающие падением и потому, в отклонение могущих чрез то быть несчастных последствии, я запер сию моленную на замок и опечатал в дверях и окнах» (14). Наставника Спиридона Макаровича и его помощника Фёдора Фёдоровича дома не оказалось. Через «секретный розыск» исправник узнал, что они отправились в Вязовскую волость, где в этот день «отправлялось Богомолебствие по случаю существовавшей там ярмарки». Однако отправиться в другую губернию для «преследования и отыскания» исправник уже не имел полномочий.

Через год дело о Пружинской моленной дошло до самого царя. «Миссионер на царском троне», как метко назвал Николая I Ф.Е. Мельников, дела о «расколе» выслушивал лично. Как раз на 1850-е годы пришёлся пик николаевского царствования с его

беспримерным по своему вандализму разорением старообрядческих духовных центров. Министр внутренних дел передал императору полученные через витебского генерал-губернатора сведения о Пружинской моленной, на что 1 мая 1853 г. последовала следующая «высочайшая резолюция»:

«1. Противозаконно исправленную Невельского уезда в д. Пружинцах раскольническую молельню уничтожить и материал, могущий остаться от сломки сего здания, продать в пользу Витебского Приказа Общественного Призрения.

2. Если имеются в означенной моленной иконы, книги и другие богослужебные принадлежности, то все это отослать в местную Духовную Консисторию с тем, чтобы те из икон и книг, кои окажутся противными учению Святой веры, были доставлены в Министерство Внутренних Дел, а невредныя и вещи могущия быть в употреблении частных лиц, возвращены по принадлежности» (15).

Моленная была разрушена, а иконы, книги и богослужебная утварь были препровождены невельским земским исправником 17 июля 1853 г. в Полоцкую духовную консисторию, где пролежали под спудом в течение 6 лет. Сохранилась достаточно подробная опись имущества Пружинской моленной, содержащаяся в донесении витебскому губернатору из Полоцкой духовной консистории.

Однако, несмотря на уничтожение моленной, духовная жизнь в Большом Пружинце продолжалась. 4 января 1857 г. чиновник канцелярии начальника Витебской губ. Ивановский доносил, что «со времени уничтожения сей моленной окружные раскольники, по собственному сознанию допрошенных из них и по свидетельству окольных православных жителей, собираются для богомоления, отправляемаго им упомянутыми коноводами (имелись в виду наставник Спиридон Макарович и его помощник Фёдор Фёдорович. – *К.К.*), большею частию в избу жителя д. Пружинцев Власа Меркурьева, как более обширнейшую в этой деревне, а иногда и в дом самого наставника Спиридона Макарьева. Хотя по произведённому нами в домах сих осмотру не оказалось настоящаго устройства моленных, но это обстоятельство объясняется показаниями некоторых, что раскольники, на время отправления богослужения, приносят с собой в те домы ико-

ны и, по окончании онаго, разбирают их снова по домам» (16). Наставник Спиридон Макарович, «кроме отправления общественных раскольнических богомолений, обличён в исправлении раскольникам всех духовных треб, кроме брака, как то: крещении младенцев, принимании на дух и погребении умерших, совершаемом торжественно, при собрании народа и с пением». В рапорте отмечалось, что погребение совершалось с разрешения станового пристава 2-го стана Войно-Оранского, которому также 2 раза в год наставник доставлял метрические записи о родившихся и умерших. В том же 1857 г. кафедральный протоиерей Иосиф Гумилёв пытался снова «увещеваниями» склонить наставника Спиридона Макаровича и его помощника к принятию единоверия, но те снова отказались. Кроме того, Спиридон Макарович сказал, что без согласия и совета своего духовного отца, наставника д. Обители Захария Смарыгина «ничего решительно ни сказать, ни сделать не может».

Новые сведения о Пружинской моленной появляются спустя 6 лет. 15 октября 1863 г. Полоцкая духовная консистория слушала рапорт гультяевского благочинного священника Иакова Купалова. При нём был представлен рапорт священника Рыкшинской церкви Петра Серебреницкого от 12 сентября 1863 г. о том, что некоторые прихожане Рыкшинской церкви уже 6 лет как не бывают у исповеди и причастия. Было открыто новое дело о «совращении в раскол» – «Дело по отношению Полоцкой духовной консистории о нехождении к исповеди некоторых прихожан Рыкшинской церкви Невельского уезда», в результате которого власти снова вышли на Пружинскую моленную. 18 октября 1863 г. архиепископ Полоцкий и Витебский Василий доносил витебскому губернатору: «Достоверно сделалось мне известным, что Невельского уезда в кругу Язно-Богородицкого православного прихода в д. Пружинце, в которой прежде существовала раскольническая моленная, по Высочайшему повелению уничтоженная, недавно устроена раскольниками новая моленная среди сказанной деревни. Вид ея не квадратный, как обыкновенно строятся избы, но продолговатый, длина ея лежит от запада к востоку и вход в нее с запада. Постройка эта ныне совершенно уже окончена, двери и окна вставлены и каменный фундамент выведен. Против этой моленной построена изба несколько меньшая

самой моленной. Промежуток между этой избой и моленной составляют сени или коридор и вся эта связь покрыта соломою под щетку. В сенях над дверьми моленной находится какое-то изображение, а в средине, как говорят, поставлены иконы и совершаются уже молитвословия. Вместо звонов была повешена доска с восточной стороны, но теперь доска эта перенесена на чердак оной же моленной. Имея в виду Высочайше утвержденное в 1858 г. наставление для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскола относящимся, коего § 5-м воспрещается оказательство публичного раскола, к которому по примечанию к оному § относится и открытие вновь раскольнических моленных, – имею честь сообщить Вашему Превосходительству об устройстве раскольниками в д. Пружинце моленной и отправлении в ней молитвословий, к возмущению и совращению нетвердых в Православии прихожан Язно-Богородицкой церкви разсеянных жительством между раскольниками для зависящих с Вашей, Милостивый Государь, стороны по сему предмету распоряжении и о последующем не оставить меня уведомлением. При чем неизлишним нахожу просить Ваше Превосходительство, не благоугодно ли будет при сем случае обратить внимание на местные полицейские власти, по 8 § означенного наставления обязанные наблюдать за подобными противозаконными действиями раскольников и, по видимому, не обращающие на это ни малейшего внимания, как бы в понаровку фанатикам и ко вреду Православной церкви» (17).

Было устроено дознание, в результате которого удалось установить, что действительно в д. Большой Пружинец помещика штабс-ротмистра Ипполита Фаддеевича Соколовского была устроена «особая моленная», и 11 декабря 1863 г. невельский уездный исправник Коровин отправился в вышеуказанную деревню, чтобы на месте всё самолично осмотреть. После осмотра моленная была опечатана – «до особого распоряжения губернатора». Как выяснилось, новая Пружинская моленная была построена сельским старостой Никитой Игнатьевым для его родственника Якова Андреева и окончена к празднику Рожества Пресвятой Богородицы (8 сентября 1863 г.). С этого дня староверы собирались в моленную в праздничные дни на молитву. Службу вели наставник Фёдор Фёдорович и его помощник Михайла Иванович. В доме послед-

него было найдено 7 печатных и рукописных книг на славянском языке, и «как невидно на них цензурного пропуска, то оныя отобраны и впредь до особого распоряжения Епархиального начальства сданы в г. Невле протоиерею Покровскому».

Цитированный выше рапорт невельского уездного исправника Коровина от 19 декабря 1863 г. интересен ещё и своим анализом сложившейся в уезде ситуации в отношениях между староверами и представителями господствующей церкви. «Вникая в местный характер раскола, – писал исправник, – невольно приходишь ко весьма грустному заключению: священники наши за исключением немногих и в особенности Рыкшинского прихода, далеко не пользуются у своих прихожан тем доверием, которое одно в состоянии было бы удержать даже от помысла оставить православие. Сдесь большая часть священников с своими прихожанами видится в церкве, или при исполнении по приходу праздничных молебствий, между тем, естли бы священник навещал по временам своих прихожан с единственною целиею уяснить крестьянам христианские догматы, много бы могли укрепить слабых в православии. Наставники же раскольников, сколько я мог узнать, всегда бывают люди самых строгих правил, и хоть, конечно, по малограмотности совершенно превратно, но истолковывают основание своего раскола и тем привязывают всех кто только присоединится к их братству. Соследить нет никакой возможности, потому что он (наставник) такой же крестьянин, работает вместе, а между тем при всяком удобном случае уясняет свои религиозные понятия. Так что каждый раскольник, даже неграмотный готов, естли ему позволить, с твердостию доказать основательность своего верования. Но напротив из православных весьма редкий случай, естли крестьянин сколько нибудь может объяснить значение религии – а большею частию, решительно ничего не понимает» (18).

Пружинская моленная простояла запечатанной недолго. Уже 16 февраля 1864 г. военный начальник Невельского уезда Назимов, прибыв в д. Большой Пружинец, распечатал моленную и, как доносил витебскому губернатору возмущённый этим поступком Полоцкий архиепископ Василий, «тем подал повод раскольникам открыто отправлять свои службы и уверять православных, что теперь Правительство дозволило переходить каждому в их старую веру» (19).

Однако времена менялись. Неудачная Крымская кампания заставила правительство сделать поворот во внутренней политике в сторону реформ, и в царствование Александра II (1855–1881) были намечены, хотя и очень слабые, льготы старообрядчеству. В 1864 г. царём был издан указ о «необходимости предоставить свободу в делах веры». Тем не менее, новообрядческие духовные власти не хотели уступать монополии на истину. 30 сентября 1864 г. священник Рыкшинской церкви Пётр Серебреницкий доносил, что «раскольники в его приходе сильно действуют ко вреду православной церкви. Они распространяют слух, будто бы есть Высочайший Манифест или указ о дозволении им совращать в свою ересь. Так, соседние крестьяне д. Заполка Никита Константинов и д. Кудинова Иван Стефанов объявили ему, священнику, что в д. Пружинцы раскольнические коноводы Федор Федоров, Михаил Савельев Жученок и какой-то неизвестный солдат, проживающий в д. Маркове и называемый Никитин, в настоящее время занимаются совращением и в реке, находящейся около д. Буйновки, перекрещивают по-своему. Так совратили они и его, священника, прихожан, проживающих в д. Устругах, о которых представлено им, священником, как о не бывающих на исповеди» (20). Ему вторил архиепископ Полоцкий и Витебский Василий: «Главная же причина усиливающегося раскола как в Язно-Богородицком приходе, так и в смежных с оным Рыкшинском и Пещанском та, что в прошедшем 1863-м году раскольники устроили в д. Большой Пружинец новую моленную» (21). Архиепископ Василий призывал витебского губернатора «сделать зависящее с Вашей стороны распоряжение к прекращению самовольных действий раскольников и к возвращению отпадших в раскол на лоно Православной церкви» (22).

Неясно, чем кончилось это дело, но, судя по всему, Пружинская моленная снова была опечатана, а её прихожан продолжали подвергать гонениям за веру, поскольку 30 апреля 1870 г. местные староверы обратились с письменным прошением к витебскому губернатору П.Я. Ростовцеву. Под прошением стоит более 130 подписей – «Невельского уезда Рыкшинской волости, Ровенского сельского общества, Пружинцы и других более 30 деревень крестьян старообрядцев всего в оной местности более 1000 человек».

Прошение возымело своё действие, и 29 мая 1870 г. витебский губернатор отдал следующее распоряжение невельскому уездному исправнику: «Предписываю Вашему Высокоблагородию распорядиться, чтобы местная полиция не препятствовала раскольникам молиться и совершать требы по обрядам их, в домах, не имеющих вида молелень» (23).

К концу XIX в. «Сенату и Священному Синоду стало понятным, что силовое воздействие на старообрядцев усложняет проблему и для решения её необходимо применять пропагандистские меры. Сначала такие меры были приняты в Витебской губернии, где в 1888 г. была введена должность епархиального миссионера для борьбы с ,,расколом", а 13 апреля 1893 г. в Витебске начал действовать комитет во имя Св. Равноапостольного князя Владимира; в числе задач комитета была и борьба с ,,расколом"» (24). При Совете Витебского Свято-Владимирского братства с 1894 г. существовал так называемый противораскольнический миссионерский комитет. Основной задачей деятельности комитета было выполнение §2 устава Свято-Владимирского братства, который гласил: «Братство имеет целью содействовать ослаблению раскола и ограждению православного населения от вредных влияний на него со стороны раскола». Комитет занимался сбором сведений о количестве старообрядцев, проживавших в губернии; в Витебске для продажи и бесплатной раздачи антистарообрядческих изданий был открыт склад; здесь также открыли центральную миссионерскую библиотеку, целью которой являлось оказание теоретической и практической помощи миссионерам. В библиотеке было собрано также достаточно большое количество старопечатных книг. Но основной своей целью «противораскольнический миссионерский комитет» ставил «открытие собеседований с раскольниками». В 1894 г. по поручению и благословению архиепископа Полоцкого в епархии были учреждены окружные противораскольнические миссионеры из местных приходских священников и «других лиц, сведущих в миссионерском деле». Комитет руководил их деятельностью. В 1894–1897 гг. на этих должностях состояло 13 человек, в 1898 г. уже 16.

Епархиальный миссионер священник Игнатий Сченснович проводил «публичные собеседования с раскольниками». Всего в первой половине 1897 г. он провёл в Витебской губ. 20 таких

публичных бесед, в том числе в Невельском уезде в с. Рык-шине – одну, в с. Язне – одну, в с. Ракитине – одну. «Предметом бесед было раскрытие учения об антихристе, о вечности святой церкви, о ключах царства небесного, о добрых и худых делах» (25). Окружной миссионер по 3-му Невельскому округу священник Язно-Богородицкой церкви Антоний Нарбут в течение 1897 г., «кроме частных бесед, для которых он пользовался всяким удобным случаем», провёл 10 публичных бесед со старообрядцами. Как говорится в отчёте, «все эти беседы происходили в пределах Язно-Богородицкого прихода, *как особенно из всех приходов 3-го Невельского округа зараженного недугом раскола* (курсив мой. – *К.К.*)». Предметом публичных бесед было раскрытие учения о Церкви Христовой (в деревнях Хлупикине, Петрашах и Ровном) и о таинствах крещения (в деревнях Крючке и Бохонове), покаяния (в деревнях Жукове, Петрашах и Большом Пружинце) и причащения (деревнях Петрашах и Крючке). «Кроме бесед о. миссионером устроено было два противораскольнических чтения, оба в д. Петрашах, в здании Петрашевской церковноприходской школы. На первом было прочитано: 1) ,,Бывшим некогда братиям нашим во Христе и во церкви, ныне же вне единения с нами пребывающим именуемым старообрядцем в стране Витебской сущим“ Ивана Никифоровского (Епархиальные ведомости за 1893-й год №6; 2) ,,Присоединение к православию“ лжепопа Никанора Арюткина (Церковные ведомости 1895 г. №6), и 3) Корреспонденция из Рудушек Режицкого уезда (Епархиальные ведомости 1897 года №4). На втором чтении было прочитано: 1) О таинствах крещения и миропомазания (против безпоповцев), священника Нила Серебреникова (Епархиальные ведомости 1892 г. №№4-й и 15-й), 2) «Новооткрытое свидетельство в пользу четвероконечного креста» (Епархиальные ведомости 1897 г. №22-й) и 3) было передано несколько чудесных случаев, совершившихся по молитвам к новоявленному угоднику Божию, святителю Феодосию Черниговскому» (26).

Однако ни «обличения раскола», ни чудеса «новоявленных угодников» не могли произвести на невельских старообрядцев нужного действия. Численность староверов в Невельском уезде не сокращалась, и, по данным «противораскольнического миссионерского комитета», составила в 1897 г. 3534 души обоего пола (из них

во 2-м благочинническом округе – 1140 душ, а в 3-м округе в одном только Язно-Пятницком приходе – около 2000 душ обоего пола). «Во 2-м округе проживает один раскольнический наставник, но моленной нет, в 3-м округе есть моленная в д. Большом Пружинце, объединяющая, по словам проживающего при ней наставника, всех соседних раскольников ,,в одного человека“» (27).

Относительно внутренней жизни местного старообрядчества в отчёте о миссионерской деятельности Свято-Владимирского братства говорилось следующее: «Некоторыми миссионерами отмечается у многих старообрядцев стремление к чтению умных и душеспасительных книжек. За таковыми они обращаются к миссионерам и к учителям церковноприходских школ, с благодарностию возвращают, просят еще и часто заводят беседы по поводу прочитанного. Есть у старообрядцев и своя подпольная литература, иногда политического характера, иллюстрированная доморощенными художниками, но произведениями такого рода, по-видимому, более всего пользуются наставники в целях отвращения своих чад от ,,никонианской ереси“» (28).

После выхода высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. жизнь местных староверов оживилась. 18 апреля (1 мая) 1907 г. Витебским губернским правлением была официально зарегистрирована Рыкшинская старообрядческая община федосеевского согласия. Центром Рыкшинской общины являлась моленная в Пружинцах, поэтому ее чаще называли Пружинской. Моленная, которая после Манифеста 1905 г. приобрела вид церкви, возвышалась на берегу небольшого Пружинского озера, отражаясь в его водах. Звон чугунного била, подвешенного на улице под специально устроенным навесом, был слышен далеко вокруг, призывая богомольцев из окрестных деревень на службу. Старожилы до сих пор вспоминают о красоте богослужения и богатом убранстве моленной. В моленной было редкое собрание старопечатных и рукописных книг, а также писаных и меднолитых икон. Во время службы наставники и служители стояли на двух крылосах. На праздники зажигали большое медное паникадило. В 1906 г. в Рыкшинской волости значились два наставника: 1) Марусенок Иван Богданович, избранный на должность наставника Пружинской старообрядческой общиной (федосеевское согласие), крестьянин Ровенского сель-

ского общества, ратник государственного ополчения I разряда, и 2) Пашуков Михаил Савельевич, избранный на должность наставника Видусовской старообрядческой общиной («семеновское толкование»), мещанин г. Невеля, ратник государственного ополчения I разряда (29). В 1914 г. Пружинскую общину беспоповцев федосеевского согласия возглавлял наставник Иван Спиридонович Спиридонов, живший в д. Петраши. Старожилы вспоминают наставников Логина, Диомида, Максима Илларионовича Малышева (род. 1888), а также «морковского попа» Емельяна (из д. Морково). Последним пружинским наставником был Яков Андреевич Кожурин (1895–1971).

Революция 1917 г. положила конец «Золотому веку» старообрядчества, а последовавший за ней период воинствующего атеизма и коллективизации сумел достичь того, чего не удавалось открытым гонениям царского времени. Многие староверы стали отходить от веры своих отцов. Не прошли все эти перемены и мимо староверов Невельского уезда. Многие зажиточные староверы в годы коллективизации были раскулачены, уничтожались староверческие хутора и целые деревни – в целях «укрупнения» колхозов. Моленная в Большом Пружинце просуществовала до 50-х годов XX в., когда была разорена властями во время очередных гонений на веру.

В 1914 г. в Невельском уезде, кроме Пружинской, были ещё 3 официально зарегистрированные старообрядческие общины: Сафоновская (с. Несница, Алексеевской волости, ст. Палибино; наставник — Пётр Григорьевич Смирнов), Невеле-Репищанская община поморского согласия (д. Репище, Плосковской волости, ст. Новохованск; наставник — Никита Афанасьевич Сатков) и Молотовская община старопоморского беспоповского согласия (зарегистрирована 27 сентября 1907 г.; д. Молотовка Чупровской волости). В Великолукском уезде значилась ещё Овсянниковская старообрядческая Христово-Рождественская община поморского согласия (с. Овсянниково, ст. Горицк; официально зарегистрирована 17 мая 1907 г.). Наставником Овсянниковской общины в 1912 г. был Иван Фёдорович Богданов, а председателем совета общины — Василий Иванович Богданов.

У старообрядцев, населявших юго-восточные земли Невельского уезда (нынешний Новосокольнический р-он), моленных было две. Одна в д. Обитель (именно здесь находилось место

расположения первых обителей Феодосия Васильева), другая – неподалёку, в д. Шитьково. Обеих деревень сейчас нет, но сохранились старообрядческие кладбища со своим характерным обликом: на старых могилах там установлены камни с высеченными на них осьмиконечными крестами, иногда – с надписями старославянским «уставом». Вторая моленная, в Шитькове (Молотовской общины), была построена в начале XX в., когда был принят закон о веротерпимости 1905 г. По воспоминаниям старожилов, по своим размерам она была много больше старой, «обительской», под восьмискатной крышей, которую венчал осьмиконечный древлеправославный крест, стояла на небольшой возвышенности. Здесь же, у моленной, был дом наставника (прихожане называли его «попом»). В 20–30-е годы XX в. им был Ларион Семёнович Дубковский, родом из-под Новоржева, после смерти своей похороненный тут же, в Шитькове. В начале XX в. здесь был своего рода духовный центр – к Шитькову тяготели все старообрядческие сёла округи. Деревня исчезла в 1948 г., в ходе сноса всех «десятидворок». В конце 30-х годов моленную закрыли, здание разобрали и увезли. Тогда же закрыли моленную в д. Обитель.

Есть также сведения о том, что старообрядческая моленная была в 20-е годы и в Новосокольниках. Она располагалась в одном из частных домов. К сожалению, адрес её и дальнейшая судьба неизвестны. Сейчас староверы Новосокольников собираются на молитву в одном из частных домов. Единственная действующая поморская моленная на юге Псковщины в настоящее время находится в Невеле.

Себежский уезд

В Себежский уезд, до 1772 г. входивший в состав Речи Посполитой, старообрядцы начали переселяться ещё в конце XVII в.

В 1739 г. в д. Давыдово Себежского уезда состоялся собор, на котором присутствовало 30 духовных лиц, множество книжных и простолюдинов. «Практически все положения Собора касались вопроса о браке. По сути, это было подтверждение установлений Собора 1694 г. о запрещении духовным жить в ,,келиях наединении с зазорными лицы, и с духовными дочерми, и с девицами, и с женами нежить и со старейшими, и с применицами“. Впрочем: ,,Такоже учинить и простым человеком А тем жи-

тием чтоб заскверну душ своих не погубить“. Собор положил избирать на послужение либо ,,старейших жен“, либо лиц мужского пола. Людям духовным молодых же ,,жен и девиц“ в стряпухах и за келейниц не держать. За несоблюдение сего установления положено отлучать. Положил Собор разводить и тех, кто окажется в родстве духовном – один кум у мужа и жены и вместе жить не велеть. Что касается новожёнов, венчавшихся в еретической церкви или сошедшихся без венчания, смешанных браков (половинок), когда один из сожителей не принадлежал к федосеевщине, то положено таковых на покаяние не принимать, детей не крестить, на службу не пускать, совместно с ними не пить, не есть. Запрещение распространялось и на окрещённых детей новожёнских до тех пор, пока они ,,отцов своих неотстанут“, исключение по крещению делалось при болезни детей, однако родители при этом давали обещание разойтись, приходящих же ,,от мира“ которые покинут своих сожителей и вновь вступят в сожительство, положено крестить только после развода и впредь ,,им вкупе жити невелеть“. Под страхом отлучения духовным отцам в случае нарушения постановлений запрещено принимать на исповедь и крестить детей» (30).

В сборнике, составленном в 1785 г. известным витебским купцом-старовером, писателем, краеведом и собирателем древностей Иваном Ивановичем Собольщиковым (1763–1836), говорится о «Колпинском собрании» – собрании 17 наставников старообрядцев-беспоповцев, состоявшемся 1 октября 1751 г. в д. Колпино (впоследствии в составе Себежского уезда Витебской губ.). В заключительном документе говорилось: «...было у нас общее собрание в Польше, во обители, о церковных вещах. Присовещали общим отеческим и братским советом подтверждение нашея христианския веры, дабы нам последовати прежним страдальцам и чтителям». На собрании рассматривались вопросы религиозно-нравственного характера, были приняты 48 правил. Среди участников собрания был Ф.Н. Саманский. О том, что данный собор проходил именно в Себежском уезде, говорит и злынковская рукопись 1834 г.: «Егда бысть собор за Рубежем, в Польше, в Себежском уезде во обители в лето 7260-е октября1-го дня» (31).

13 августа 1828 г. в канцелярию генерал-губернатора витебского, могилёвского, смоленского и калужского под грифом «сек-

ретно» поступило следующее письмо от витебского гражданского губернатора: «Себежский Земский Исправник вошел ко мне с представлением от 31-го истекшаго июля изъясняя в оном, что по дошедшему к нему сведению, что в д. Обителях помещика Ивана Потриковскаго строится раскольническая молельня, предлагал он заседателю Шауману отправиться в д. Обители и узнать обо всем обстоятельно и буде окажется действительно строение молельни, то уничтожить оное, и виновных кто в таковом поступке окажется представить в Суд. Заседатель Шауман на сие донес, что по осмотре им состоящей в д. Обители Старообрядческой Молельни оказалось, что вместо бывших при ней старых и опавших сеней пристроены таковой же меры и фасону с нового лесу на том же самом месте новые, а кровля как на сенях так и на самой молельне починена покрытием новою дранью, самая же молельня состоит ненарушимо на прежнем месте и не перестраивается».

В связи с вышедшим еще 26 марта 1822 г. высочайшим повелением о запрете старообрядцам строить новые церкви и моленные, а старые оставить в настоящем их положении, открылось целое дело, завязалась переписка между Министерством внутренних дел, генерал-губернатором, гражданским губернатором и местными властями. Власти боялись, что под видом ремонтов староверы будут строить новые храмы.

Сохранилось описание обительской моленной, сделанное чиновником по особым поручениям титулярным советником Пантелеймоновым 1 ноября 1828 г.: «Новая пристройка сеней по примерному соображению, будет длины 3 и ширины 2 сажени. Она составляет половину всего строения моленной. Крыша зделана из новой дранки с употреблением под испод части старой. На самом верху, в длину наложен соломенный гребень. Все строение простой работы, имеет вид амбара, но с крестом сверху» (32).

Другой старообрядческий центр в Себежском уезде находился в д. Яковлево. Она известна как один из центров старообрядчества ещё с конца XVIII в. 2 октября 1826 г. себежский земский исправник доносил витебскому губернатору: «Исполняя предложение Вашего Превосходительства последовавшее ко мне от 26-го минувшего сентября за №321 имею честь Вашему Превосходительству донести, что в Себежском повете состоят две старообрядческия моленныя в коих оне совершают Богослужение. 1-е.

Князя Константина Огинскаго в д. Яковлеве; 2-е. помещика Ивана Потриковскаго в деревне Обителях и 3-я часовня на кладбище близ д. Жалобна помещика Александр<а> Молля» (33). Что касается самого Себежа, то, по донесению себежского городничего, в городе нет старообрядческих моленных, «потому что в обществе г. Себежа ни одного старообрятца не состоит» (34).

В ведомости о «числе раскольников» в Себежском уезде за 1841 г. значится: старообрядцев разных сословий – 45 душ мужского пола и 37 женского, помещичьих крестьян – 613 душ мужского пола и 615 женского. Согласно ведомости, в уезде было две моленные: Обительская и Яковлевская. Наставником в Обительской моленной был «невельский хлебопашец» Захар Леонов, «дьячками» при нём – себежский 3-й гильдии купец Семён Авсеев Цикун (Тикунов), дризненский мещанин Григорий Романов Козлов, крестьянин помещика Молля д. Стаек Семён Иванов. Наставником в Яковлевской моленной был «опочецкий мещанин» Гаврила Антропов, «дьячками» – д. Яковлева Макарий Фадеев, Иван Герасимов, Егор Иванов, Терентий Петров, д. Гвоздовка Иосиф Иванов.

В 1844 г. было открыто дело о наставниках Гавриле Антропове и Захарии Леонове Смаригине по обвинению в «совращении будто бы ими людей православной веры в раскольническую ересь» (интересно, что первый в деле называется уже «полоцким мещанином», а второй – «витебским мещанином»). 29 сентября 1844 г. Витебской палатой уголовного суда дело было решено. Обвиняемые «не повинились в совращении» и были от суда и взыскания оставлены свободными. По решению Комитета министров (на котором об этом деле министр внутренних дел докладывал лично) от 29 мая 1845 г. предписано наставников «подчинить в отношении веры и образа жизни надлежащему надзору местного полицейского начальства, которому поставить в обязанность не дозволять сказанным Антропову и Смаригину отлучаться куда либо иначе, как по письменным видам и для законных только надобностей» (35).

Яковлевского и обительского наставников пытались «увещевать», склоняя к принятию новообрядчества или единоверия – 8 и 23 сентября 1845 г. священник Киселевской церкви Феодор Русаков и 3 и 27 сентября того же года – священник Езерищен-

ской церкви Алексей Трубковский. Однако старообрядческие духовные отцы увещеваний не послушали. Дело затянулось до 1850 г.

В 1851 г. было открыто новое дело по поводу наставника Захара Смаригина о новом «совращении в раскол». Как выяснилось по ходу следствия, влияние местных духовных наставников распространялось не только на Себежский уезд, но и на соседние с ним Невельский уезд Витебской губ. (наставники известных в округе Пружинской и Репищанской моленных исповедовались у обительского наставника), Опочецкий и Великолуцкий уезды Псковской губ. В Опочецкий уезд для исправления там треб регулярно выезжали наставники Гавриил Антропьев Могилянцев и Захар Смаригин, при этом они останавливались в д. Туришине у купцов-староверов Поярковых.

27 июня 1852 г. с наставника Гаврила Могилянцева себежским исправником была взята подписка о невыезде и о непринятии на моление «ни каких людей в особенности других уездов, кроме издавна сей моленной принадлежащих». В дальнейшем также открылось, что Гавриил Антропов обучал грамоте «не только детей раскольников, но и детей православных», что также могло быть интерпретировано как «совращение в раскол».

В 1890 г. наставник Яковлевской моленной Фёдор Михайлович Мелихов был привлечён к ответственности за совершение богослужений по старым обрядам. Хотя сам наставник был оправдан, моленную запечатали.

Епархиальный миссионер священник Игнатий Сченснович в первой половине 1897 г. провёл по одному публичному собеседованию с «раскольниками» в с. Сутоках, в д. Гребле и д. Обители Себежского уезда. В отчёте о миссионерской деятельности Свято-Владимирского братства за 1897 г. говорится: «Окружной миссионер по 2-му округу Себежского уезда священник Старокозловичской церкви Иоанн Габович за отчётное время публичных бесед со старообрядцами, по причине безграмотности и невежества последних, не вёл, а ограничивался только частными беседами. На тринадцати беседах о. миссионер объяснял символ веры, особенно подробно 9-й и 10-й члены его, десять заповедей и нагорную проповедь Исуса Христа. Такой характер бесед помог ему приобрести некоторое доверие раскольников и уважение их к православной церкви, чистоте и святости ея уче-

ния. В Старокозловичской церковно-приходской школе обучаются в настоящее время четыре мальчика из раскольников, ожидается поступление таковых в будущем» (36). Что касается статистики старообрядцев в Себежском уезде в это время, то в отчёте говорится, что в пределах 1-го благочинического округа «раскольников не имеется вовсе», а сведений о 2-м и 3-м округах уезда у миссионерского комитета нет.

Окружной миссионер, священник Киселевской церкви Митрофан Блажевич сообщал 10 марта 1898 г. приставу 2-го стана Себежского уезда: «Священник Зародищенской церкви, отношением от 12 февраля настоящаго года за №12, извещает меня, что, по заявлению, крестьян д. Гребля Якова Григорьева и д. Черемашинцы – Ивана Григорьева Каверзнева, раскольники, проживающие в пределах Зародищенскаго прихода, самовольно открыли в д. Яковлеве Могильнянской волости новую моленную, тайно вынесли в нее из прежней – запечатанной иконы и другую утварь и, несмотря на запрещение каких бы то ни было „публичных оказательств“, позволяют себе пред богослужением бить в железную доску, звук которой разносится далеко по окрестностям; всеми такими противозаконными действиями они, по словам заявивших, производят смущение среди чад православной церкви. А посему считаю долгом своим вышеизложенное сообщить Вашему Высокоблагородию» (37).

С яковлевского наставника полицейским урядником была взята подписка следующего содержания: «1898 г. апреля 16 дня я нижеподписавшийся наставник Яковлевской моленной Федор Михайлов Мелихов даю сию подписку г. приставу 2 стана Себежского уезда, в том, что в чугунную доску находящию при Яковлевской запечатанной моленной которая служила призванием молящих, ударять в таковую как для этой надобности, так и другой вовсе не буду. В том и подписуюсь. Федор Мелихов».

В том же году часть прихожан, как говорится в общественном приговоре, составленном старообрядцами Яковлевской моленной 15 сентября 1898 г., «из гордыни» отделились от Фёдора Мелихова и выбрали себе другого «в попы». Новым наставником стал Корнилий Карпович Бурый из д. Савкино, где он и производил богослужение.

После издания манифеста 1905 г. об укреплении начал веротерпимости власти начали собирать сведения о запечатанных ста-

рообрядческих церквях и моленных. Себежский уездный исправник Ар. Соколовский доносил витебскому губернатору 30 мая 1905 г.: «24 апреля старообрядцы Яковлевской моленной, собравшись всем обществом в д. Яковлево Могилянской волости во главе со своим наставником Карнеем Бурым, открыли запечатанную моленную в силу Высочайшего указа, воспоследовавшего 17 апреля сего года (всего через неделю! – *К.К.*) и затем, отслужив благодарственный молебен за дарованныя им милости *Его Императорским Величеством*, произвели между собою добровольный сбор на нужды войны в сумме 60 рублей, который отправили в г. Себеж на имя Министра Внутренних Дел при телеграмме следующего содержания: „Его Высокопревосходительству г. Министру Внутренних [Дел] старообрядцы Яковлевского общества Могилянской волости Себежского уезда Витебской губернии преисполнены чувством глубокой благодарности за великия милости свободы вероисповедания Высочайше дарованного в незабвенный день 17 апреля. Отслужив при открытии нашей молельни в с. Яковлеве 24 сего апреля о здравии и долгоденствии Всемилостивейшаго Отца нашего Государя Императора почтительно просим повергнуть к стопам обожаемого Монарха верноподданнические чувства нашей любви и преданности с готовностию пожертвовать жизнию и имуществом на благо Царя и родине и представить на его благовозрение нашу скромную лепту 60 рублей, отправленные нами сего числа телеграммою на нужды войны. Наставник Яковлевского общества старообрядцев Карнилий Буров“. О чем доношу Вашему Превосходительству» (38). На рапорте себежского уездного исправника в верхнем левом углу рукою губернатора написано: «Не рано ли они распечатали?» Действительно, наученные многовековым горьким опытом, староверы не стали дожидаться, пока раскрутится бюрократический механизм, и очередь, наконец-то, дойдёт и до них, но поторопились воспользоваться высочайше дарованной им свободой вероисповедания.

Всего в Себежском уезде на 28 февраля 1906 г. значилось два наставника: Корней Карпов Бурый (род. 1853) – избран наставником Яковлевского общества при Яковлевской моленной старообрядцев, крестьянин Могилянской волости Могилянского общества, на военной службе не был, 53 лет от роду, избран 18 лет назад (то есть в 1888 г.); Григорий Ефимов Тикунов (род. 1836) – избран

наставником при обществе Обительской моленной старообрядцев 15 лет назад (то есть в 1891 г.), невельский мещанин, 70 лет от роду.

29 декабря 1907 г. Яковлевская старообрядческая община феодосиевского согласия была зарегистрирована Витебским губернским правлением. В 1909 г. в Яковлево, в 15 метрах от крутого берега р. Великой, была построена новая моленная, а рядом с ней в 1910 г. – дом наставника. В 1930-е годы Яковлевская и Обительская моленные были закрыты властями, но духовная жизнь продолжалась. Местные духовные наставники продолжали крестить, исповедовать, служить погребения и панихиды. Старожилы вспоминают яковлевских духовных отцов Артемия, Антония, Савелия, Тимофея. Здание Яковлевской моленной и дом наставника сохранились до наших дней. Сейчас в моленной, лишившейся купола, находится магазин.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В настоящее время удалось локализовать место нахождения Русановской обители. Это урочище Обитель в Окнийской волости Новосокольнического р-на Псковской области. Здесь до конца 1930-х существовала старообрядческая моленная, до наших дней сохранились остатки древнего старообрядческого кладбища. 27 июля 2007 г. на высоком холме, где некогда располагалась д. Обитель, староверами-поморцами был установлен памятный Крест.

2. Сизов А.И. У истоков Великой. Новосокольники, 2003.

3. Кстати, прадеда фельдмаршала М.И. Кутузова по материнской линии.

4. Барановский В., Поташенко Г. Староверие Балтии и Польши: Краткий исторический и биографический словарь. Вильнюс, 2005. С.59.

5. Из рапорта невельского земского исправника витебскому губернатору от 6 октября 1826 г.: «Во исполнение предписания Вашего Превосходительства от 26-го минувшаго сентября №322, честь имею почтеннейше донести, что в Невельском уезде состоит 5 часовень, в которых совершается старообрядцами Богослужение, а именно в имении Серутях помещика маиора Матиаса одна, по михельсоновскаго имению в Колошинской части одна, помещика Вилимбахова в деревне Репище одна, имение княжны Радзивилловой в д. Лутно одна и в имении помещика Кардо-Сысоева в деревне Пружинцах одна» (НИРБ. Ф.1430. Оп.1. Д.478. Л.19–19об.). Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

6. Волков В. Письменный документ о времени поселения раскольников в Витебской губернии // Витебские губернские Ведомости. 1867. №41. Неофициальная часть.

7. НИРБ. Ф.1430. Оп.1. Д.429. По свидетельству В. Волкова, эти поповцы поддерживали связи со своими стародубскими единоверцами и, скорее всего, были выходцами с Ветки, бежавшими в Невельский уезд после первой выгонки в 1735 г.

8. Там же. Д.674.

9. Там же. Д.51589. Л.66–69об.

10. Там же. Ф.1416. Оп.2. Д.8205. Л.2об.–3.

11. Там же. Оп.1. Д.1266. Л.165–165об.

12. Там же. Оп.1. Д.1334. Л.76об.

13. Там же. Л.81–81об.

14. Там же. Л.88.

15. Там же. Л.103–103об.

16. Там же. Л.136–136об.

17. Там же. Д.1499. Л.1–2.

18. Там же. Л.7–8.

19. Там же. Л.23об.

20. Там же. Л.16–16об.

21. Там же. Л.23.

22. Там же. Л.24.

23. Там же. Оп.2. Д.14321. Л.1об.

24. Горбацкий А.А. Старообрядчество на Белорусских землях. Брест, 2004. С.151.

25. НИРБ. Ф.2556. Оп.1. Д.1. Л.8.

26. Там же. Л.10об.–11.

27. Там же. Л.15.

28. Там же. Л.20.

29. Согласно рапорту невельского уездного исправника витебскому губернатору от 21 марта 1906 г. (Там же. Ф.1430. Оп.1. Д.47162. Л.37).

30. Никонов В. Староверие Латгалии: очерки по истории старообрядческих обществ Режицкого и Люцинского уездов (2-я половина XVII–1-я половина XX вв.). Резекне, 2008. С.129–130. При этом Никонов ссылается на рукопись «Отеческих завещаний», составленную С. Гнусиным.

31. Там же. С.130.

32. НИРБ. Ф.1430. Оп.1. Д.50325. Л.15об.–16.

33. Там же. Д.478. Л.14–14об.

34. Там же. Л.13.

35. Там же. Ф.1416. Оп.1. Д.1334. Л.10об.

36. Там же. Ф.1430. Оп.1. Д.46988. Л.15.

37. Там же. Д.46983. Л.19–19об.